

Книг Алекс ндр С мойлов (пят я по счету, включ я «М ршрут 91», выложенный н гугл-к рт х, — это ли не

концепту лизм?) р звив ет с мим ф ктом (и способом) происхождения концепцию периферийности и, осмелюсь ск з ть, внен ходимости вторского голос . Дист нция к к ключевой ф ктор, к к единственный посредник в коммуник ции с миром — будь то бытовой сюжет или взгляд в сторону истории — определяет способ существов ния втор и его персон ж .

О персон же будет ск з но ниже, пок о с мой книге. Он изд н в Ridero,

ст ло быть, у нее нет изд теля, ред ктор , тир ж (и м ло кто поним ет, к к ее приобрести — будто бы и с м книг ускольз ет). З то он состоит ср зу из двух сборников: «Дворы» (2017) и «Книжный м г зин поэзия» (2018). Синт ксис второго н зв ния — не только игр , Алекс ндр С мойлов действительно т щит н себе, в букв льном смысле, одноименный проект: он добыв ет повсюду книжки современных поэтов (к ковых книжек, не поэтов, в Челя-

бинские просто нет) и продает их по цене, назначенной автором или издателем, на литературных мероприятиях всем, кто приходит — в основном самим поэтам. Иначе говоря, поэт Самойлов и его рюкзак и есть «Книжный магазин поэзия».

Немногочисленные издатели современной поэзии без труда поймут этот жест, но Самойлов-то — не издатель, мотивы его неочевидны: он не прятельствует близко с коллегами по цеху, не засиживается после мероприятий, не ищет так называемого профессионального общения. Приносит книги, раскладывает, дожидается окончания чтений, собирает, уходит.

*мальчик с огромной сумкой
россия
откуда в тебе переть ее
сила
рутений на завтрак
на ужин свинец
и будущий холод девичьих
сердце*

*мальчик с огромной сумкой
россия
ты вырастешь старый
больной некрасивый
над домом твоим встанут
волки и псы
но если получится то ты
не ссы*

*мальчик с огромной сумкой
россия
я говорю хоть меня
не просили
и ничего мне не надо
в ответ
маме привет*

Один из ключевых текстов книги вполне ясно демонстрирует природу и необходимость дистанцированного внимания, неопределенность место- и «время-положения», двойственность лирического персонажа и присутствие масок. Авторский голос обращен в равной мере и к неизвестному (нам, а ему, быть может, известному — не разберешь) мальчику «с огромной сумкой россия», и к себе-мальчику из прошлого — с нелицеприятным пониманием настоящего, которое обоим мальчикам вменяется, как герою подвиг, а волку зубы. Непрямое указание на место и время (кто помнит, где и когда случился фейковый рутений, тот молодец) подсказывает читателю, что у этого сценария нет края: во времена Одиссея и короля Артура, и когда наш прах развеется, «мальчик» продолжает мифическое шествие — и если получится, не засыт, — впрочем, закадровый голос не настаивает ни на чем. Зато он поддерживает эпический каркас этого текста вневременным «я говорю хоть меня не просили / и ничего мне не надо в ответ» — «я» говорит именно из парадигмы венаходимости, сопереживающего внимания и непреодолимой отдельности, из собственного опыта событийного и бытийного. Двойственность присутствует и в гипертексте (вот и вы теперь знаете, что Самойлов тащит на себе целый книжный магазин), и

в самом стихотворении персонаж отражен зеркалом будущего, оно же чье-то настоящее, — так венаходимость распространяется волнообразно и приобретает пиковое значение в последней строчке: «маме привет». Этот пронзительный жест опрокидывает игровую реальность, переводит «мужской разговор» в модальность чуть ли не исповедальную: мама здесь оказывается высшей духовной инстанцией, владельцем метафизического дома, который охраняет от псов и волков. И если мыслить «мальчика» как прошлое авторского голоса, то он еще способен вернуться домой и застать там маму, которая спасет и сохранит. Так одинокий голос, не ждущий ответа, обращен одновременно к Другому, к собственному прошлому и, опосредованно, к главному собеседнику — к маме.

Мама в стихотворениях Самойлова появляется часто. Особенно в сборнике «Дворы», более лиричном, менее игровом. Вот он возвращается в «чужой» дом, где «в пустоте висит икона / из журнала огонек» («здоровствуй мама / я вернулся» — а возвратились, как известно из песни, не все, а кто вернулся — тому хату сожгли); вот его «ангелы-охранники» ввиду бомжеватости в рай не пускают: «холодно на улочке / мамочка-мамулечка / мне через решеточку / весточку подай» (мотив рая-тюрьмы, куда забрали маму от сына — он теперь и здесь один, и

туд не берут, и м му уже не вернут). Или вот блестящий, по-моему, текст, отсыл ющий к библейскому мотиву, и высшей силой здесь опяты ок зыв ется м м :

*на них не действует
реклама
их не пугает страшный суд
короче
им сказала мама
и выставила прямо в пруд*

*они идут и выше воды
они идут и вот рука
снимает с них закон
природы
как будто нитку с пиджака*

Мотив чуд тоже нередко встреч ется в книге. Иногда это ожид ние чуд , к к в монологе внучки «дедушки эм», иногда оно вспыхив ет здесь и сейч с, к к в приведенном выше тексте, оно может возникнуть из кривого зерк л повседневности, к к в стихотворении «девочк кид ет монетку / уличному музык нту» (н мой вкус, это один из лучших текстов сборник «Дворы»). Чудо может ост в тья «з к дром», к к в шестистрочном р сск зе об лкоголике н перекрестке — этот персон ж существует н стыке золотого век русской поэзии («Пророк», где н перепутье является поэту известно кто), политическо го к зус с поцелов нным в живот м льчиком и привычного детям окр ин быт , когд нетрезвый любящий п п пыт ется перед ть выстр д нный жизненный опыт

м лолетке, тот потом полжизни тщится р зг д ть т йну родительского посл ния:

*на перекрестке алкоголик
ребенка за руку держал*

*на перекрестке алкоголик
перед ребенком речь держал*

*нет и не будет оправданья
сказал и в лоб поцеловал*

Сложно и нелинейно сконструиров ны многие тексты книги. В них могут ок з тья з шиты т кие д леккие друг от друг сообще ния, что сомнев ешься в собственной дог дке. Н пример, в стихотворении, д вшем н зв ние книге, «водол з провел под водой четырн дц ть лет», н пис нном к к ом ж персон ж м Св ровского (или все-т ки Уфлянд ?), с одной стороны очевидным обр зом возник ет фигур К пит н Америки, супергероя из комиксов Marvel, который «провел под водой» несколько десятилетий и вернулся сп с ть современный мир от зл , к к сп с л прежде от н цизм , с другой стороны, сквозь фин л «но человеческ я речь д вно ему непонятн » смутно протуп ет п вший во Второй мировой солд т по имени С ш из «Б лл ды о без ве сти проп вшем» Алекс ндр Дольского («И я лежу уже десятилетия / в земле чужой, я к этому привык, / и слышу: н до мной игр ют дети, / но я не поним ю их язык»). Водол з, к слову ск з ть, нико го сп с ть не собира ется, он

отчужден от н шего времени, где «все его поним ют / и не руг ет никто», отсутствием прежних человеческих привяз нностей и утр той «милого дом » — последний связ н с детством и юностью, водол з ост лся в них и не может понять «взрослый» мир, из которого изъяты все, по отношению к кому он был ребенком.

Ф н т зийн я, ф н т стическ я, лтерн тивн я ре льность — особый д р С мойлов . «Евтушенко был не н стоящий / н стоящего сложили в длинный ящик / отключили функцию ум / и отпр вили н ст нцию зим » — не пр вд ли, прекр сн яверсия? Утешительн я. Или невероятно смешной и жуткий текст о том, к к «господин дудя вызв ли в подземный телер диокомитет» — ну н верняк долж ны были вызв ть! Р зве нет? Все допущения у С мойлов не просто пр вдоподобны, они к жутся лучшей версией ре льности. Более логичной, что ли. Т к мог бы ум ребенк объяснять тягостную бессмыслицу взрослой жизни, з полнять лишённые содерж ния и чувств л куны.

Тут интересно было бы вернуться к р змышлению о лирическом субъекте этих стихов. К к было ск з но выше, это персон ж, м - ск , к к, ск жем, у Дмитрия Алекс ндрович Пригов или Олег Григорьев . Ч сто это т кой простой человек с городской окр ины, не то чтобы слес рь, но университетов не конч л, потому многому в этой жизни он

трогательно удивлен и видит связь вещей не там, где она привычно располагается. То ему кажется, что Евтушенко подменили, то ход жизни замер потому, что девочка уличному музыканту монетку бросила, то всякий человек («и даже сама пустота») становится похож на Христа, когда отправится на ослике в дальнюю дорогу, то «из москвы / приходит пакет / затянуть пояса / потуже» — и вот уж «вареная кошка / в горло не лезет» от того, что исходит от той «москвы» неимоверная красота. Персонаж этот существует с оглядкой на обэриутов и лианозовцев, концептуалистов и Андрея Родионова, Федора Сваровского и Виталия Пуханова, может быть, даже Леонида Шваба. Стихи уральских коллег нет-нет да и понадобятся Самойлову зачем-нибудь. Он такой наивный реалист, взгляд его не

вообще свободен от детской оптики, одновременно созидательной и очень беззащитной. Если знать, как Александр Самойлов читает стихи, можно запросто утвердиться в ощущении, что персонаж этот говорит в никуда, как радио, — в надежде, что его услышат. И неважно, кто услышит («сочинил же один человечек / что бывает диалог на земле»: сам-то он слышит!) и что за этим последует. Но вот он стоит на каком-то немудрящем возвышении посреди пересеченной местности и сообщает свои удивительные новости, рассказывает чудесные истории — лирические и иронические. На окраине города и цивилизации, в лесополосе, в маршрутке — всюду ему нетрудно говорить, всюду он видит тех, кто достоин сочувственного невмешательства: мужья и жены, старики и алкоголики, дети и пленные марсиане, наконец,

белочки, которые выпрашивают орехи с целью «унять метафизический ужас». Персонаж утверждает, что нет у него никаких орехов для вас, белочки, так что давайте уже сами:

*но у меня как на грех
не было никаких орехов
и метафизическому ужасу
я противостою
без особых успехов*

*поэтому я до сих пор стою
там
между июнем и маем
а кто это все сочиняет
не знаю*

Удивительно, что Самойлов сочиняет очень разные стихи — интонационно, интенционально. Эти две книги под одной обложкой — читательская удача. Жаль, что их почти невозможно купить.

Наталья Санникова